

У ДК 343.13

И. А. Зинченко, кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин Калининградского филиала
Международного университета (г. Москва)

ВЫБОР СРЕДСТВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Привлечение различных областей знания в теорию уголовного процесса способно обогатить ее, наполняя новым содержанием. Однако в процессуалистике рождается все больше и больше исследований, предлагающих для обсуждения работы, авторы коих на первый план выдвигают не процессуальную правовую материю, а тот инструментарий, которым они владеют (назвать это методологией мы всё же не осмеливаемся). Иногда трудно представить себе, какие же резоны существуют для его практического использования в уголовном процессуальном праве. Поводом для написания настоящей статьи послужили выступления доцента С. Б. Россинского, посвященные задачам науки уголовного процесса, специфике состязательности в уголовном судопроизводстве, невербальным следственным действиям и т. д., содержание которых вызывает принципиальные возражения.

Ключевые слова: наука уголовного процесса; уголовно-процессуальное право; теория доказывания; уголовно-процессуальное познание; состязательность.

Залучення різних галузей знання у теорію кримінального процесу здатне збагатити її, наповнюючи новим змістом. Проте у процесуалістиці усе більше з'являється досліджень, автори яких пропонують для обговорення роботи, в яких на перший план висувують не процесуальну правову матерію, а опанований ними інструментарій (назвати це методологією ми не наважимося). Іноді важко уявити собі, який же його практичний сенс для кримінального процесуального права та процесу. Приводом для написання цієї статті стали виступи доцента С. Б. Россинського щодо завдань науки кримінального процесу, специфіки змагальності в кримінальному судочинстві, невербальних слідчих дій тощо, зміст яких викликає засадничі заперечення.

Ключові слова: наука кримінального процесу; кримінальне процесуальне право; теорія доказування; кримінальне процесуальне пізнання; змагальність.

Use of different branches of knowledge in the theory of criminal proceedings can enrich it, filled with new content. However, science is often born of research, offering to discuss the works of authors who have traditionally highlighted not procedural and legal matter and the tools they cognized (methodology to call it, we do not dare). Sometimes it's hard to imagine what its practical reasons for the criminal procedure law and criminal procedure. The reason for the preparation of this article received causing fundamental criticism

© И. А. Зинченко, 2016

performances S. B. Rossinskiy about the tasks of science of criminal procedure, the specifics of competition in the criminal proceedings, of nonverbal investigative activities, etc.

Key words: *science of criminal procedure; criminal procedure; evidence theory; criminal procedural knowledge; competitiveness.*

Постановка проблеми. За истекшие полтора десятилетия в России стремительно возросло количество научных школ и направлений, аспирантур, докторантур и диссертационных советов, число вузовских и иных научных работников. Возможности тех, кто стремится опубликовать свои произведения в научных и примыкающих к ним изданиях становятся поистине безграничными. Эти сами по себе позитивные процессы, увы, далеко не всегда сопровождаются сохранением желаемого методологического уровня исследований, их актуальности и практической значимости, качеством рецензирования научных продуктов. Сопутствуют им и иные хорошо известные негативные явления. В науках юридического цикла наиболее радикальные, на наш взгляд, преобразования происходят в теории уголовного процесса. Ее перманентно потрясают дискуссии, посягающие на базовые правовые институты и сферы юридического знания.

Анализ последних исследований и публикаций. Нет сомнений в том, что в рассматриваемой нами отрасли знания в наибольшей степени революционным преобразованиям подвергается теория доказывания, и это, конечно, не случайно. Именно в решение многочисленных методологических и понятийных проблем, касающихся всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, способен вторгаться инструментарий иных гуманитарных наук. В этой связи нам уже доводилось неоднократно высказать свои, возможно, далеко не бесспорные критические замечания относительно наиболее заметных научных проектов. В их числе Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права, подготовленная коллективом авторов под руководством проф. А. С. Александрова, ряд диссертационных исследований, представленных на соискание ученой степени доктора юридических наук [1–3]. В настоящей статье мы пытаемся продолжить анализировать рассматриваемую проблематику. Предметом наших “заметок” стал цикл работ доцента С. Б. Россинского [4–8], посвященных поиску новых подходов к уголовно-процессуальному доказыванию (хотя поводом для подготовки статьи подобного рода могли послужить работы и других авторов). Их центральной составляющей выступают следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, названные автором *невербальными*.

Цель статьи – продолжить обсуждение проблем современной теории уголовного процесса и обусловленного ею уголовно-процессуального права, в надежде, что оно, в конечном счете, может оказаться полезным.

Изложение основного материала. Начнем с общего впечатления от анализируемых публикаций – оно, к сожалению, не из лучших и сложилось под влиянием ряда обстоятельств. Во-первых, огорчает *способ подачи* материала. (Сказать “манера изложения” не можем, поскольку этот аспект творчества по ведомству литературной части). Во-вторых, мы принципиально не можем согласиться с необоснованными претензиями к законодателю, с толкованием ключевых в контексте анализируемых проблем норм УПК РФ и инициативами по их изменению.

В-третьих, уязвимой представляется логика введения в научный оборот С. Б. Россинского понятия так называемых невербальных следственных действий. Кроме того, в-четвертых, ошибочными и неприемлемыми для теории доказывания нам представляются последние по времени программные заявления автора.

1. Способ организации материала. История развития философских, психологических и правовых знаний у С. Б. Россинского временами хронологически смещается в сторону, не во всем согласующуюся с реальной картиной. Например, в статье, опубликованной в 2016 г. в научном журнале “Библиотека криминалиста”, автором использованы известные слова В. Я. Дорохова: “В мышлении человека существуют, взаимодействуют, движутся не вещи, не предметы, а их образы, понятия, сведения о них” [7, 84]. Думается, исходя из предложенного С. Б. Россинским контекста, Василий Яковлевич был бы весьма удивлен, узнав, что этим высказыванием он **значительно продвинулся** в исследовании постулатов марксизма-ленинизма о возможности отражения объективной реальности в сознании субъекта. (Увы, но именно так эта позиция – допускаю, что исключительно субъективно – воспринимается мной, читателем). Изданная в 1973 г. коллективная монография, содержащая приведенные слова В. Я. Дорохова, буквально окружена цитатами из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Достаточно указать на следующее за ними ленинское высказывание из его работы “Материализм и эмпириокритицизм”: “Чувственное представление *не* есть существующая вне нас действительность, а только *образ* этой действительности” [9, 207]. Ясно, что ученый-процессуалист не развил, а лишь удачно перефразировал мысли классика.

Далее. Вопреки утверждениям С. Б. Россинского, ни до, ни после В. Я. Дорохова отечественные правоведы и криминалисты никогда (даже в печально известном учении об объективной истине) не опускались до примитивного сопоставления сознания познающего в доказывании субъекта с “копировальной машиной”, “слепком”, “зеркалом” [7, 85–86]. Использование подобных сравнений встречается как аллегория либо лишь в самой оголтелой, но, к сожалению, весьма популярной сейчас критике. Информационный подход в теории уголовно-процессуального доказывания также никогда не интерпретировался как технический способ связи. Конечно, при большом желании изъятые из контекста цитаты о “зеркальности” сознания наверняка подобрать можно. Иначе соответствующие ярлыки не навешивались бы современными авторами на своих предшественников. Напротив, познание (и проблемы отражения) в уголовном процессе и в криминалистической деятельности всегда рассматривалось в единстве практической и мыслительной деятельности. Так, Р. С. Белкин и А. И. Винберг писали: “Мысль рождается из действия, а целенаправленная деятельность, практика, подчинена мысли. ... Процесс познания, в котором обобщаются данные опыта, практики, достигнув ступени науки ..., – это уже опосредствованное и обобщенное отражение существенно общих свойств и отношений объектов” [10, 8–9]. Обосновывать эту позицию более глубоко как-то и неловко, достаточно заглянуть хотя бы в соответствующую учебную литературу разных лет.

Еще пример. Противопоставляя достижения современной науки и “советской теории доказательств”, базировавшихся на работах философов того периода времени (П. В. Копнина, Н. И. Дейнеко), С. Б. Россинский опирается на высказывания А. Р. Лурии и В. П. Зинченко как на первооснову соответствующих сегодняшних дискуссий

[7, 86]. Но, согласитесь, А. Р. Лурия (1902–1977) никак не мог принять эстафету из рук названных уважаемых философов. Основные произведения выдающегося советского психолога, ученика Л. С. Выготского, основателя отечественной нейропсихологии были созданы ранее – в 30–60-е гг. прошлого столетия. Использованное же С. Б. Россинским 6-е издание учебного пособия Александра Романовича “Основы нейропсихологии” увидело свет в связи со 100-летием со дня рождения ученого.

Что касается работ известного советского и российского психолога В. П. Зинченко, то они также были доступны философам, равно как и правоведам, а также специалистам в области юридической (судебной) психологии приблизительно с момента зарождения последней. Однако следует подчеркнуть, к середине 70-х гг. прошлого столетия в СССР умы специалистов ведущих психологических школ все более и более завоевывала мыследеятельностная методология [11].

Перечисленные и подобные им шероховатости наверняка случаются и могут быть допустимы, скажем, в черновиках будущих научных работ или в текстах, представленных научным руководителям аспирантами. В завершеном же научном продукте им, думается, не должно быть места.

Примеры можно продолжить. Так, уважаемый автор, ссылаясь на труды зарубежных философов, выражает сомнения в способности следователей и судей восполнять следственные ошибки за счет обнаружения причин их искажений в связи с ограниченными возможностями органов чувств. Иные подходы оценивает как продукт *советской* науки [7, 87].

Мы не возражаем против борьбы с марксистско-ленинской теорией отражения: теория бы замерла, не будь у исследователей сомнений, но не такими же средствами, не говоря уже о методологии.

2. Предложения по изменению норм УПК РФ. Ограничение дискуссий, особенно по проблемам теории и практики уголовного производства, – дело безнадежное. Однако, когда они касаются предложений по изменению или дополнению законодательства, нужна особая осмотрительность. Подобные предложения должны быть как минимум научно состоятельными, практически значимыми и безупречными в редакционном отношении.

Для анализа в настоящей статье мы выбрали две наиболее *заметные* инициативы. Насколько они отвечают названным критериям?

Часть 2 ст. 74 УПК РФ С. Б. Россинским предлагается дополнить пунктом 6¹ УПК РФ (хотя, с точки зрения законодательной техники, почему бы не п. 7?), закрепляющим отдельным “видом доказательств” результаты “невербальных” оперативно-розыскных мероприятий [5, 182]. Отвергая эту позицию, нам, вероятно, в рамках настоящей статьи нет необходимости перечислять десятки высказанных ранее предложений по дополнению ч. 2 ст. 74 УПК РФ они хорошо известны. Однако хотелось бы заметить, во-первых, что законодатель оказался к ним невосприимчив (в том числе и в эпоху действия предшествующего УПК), и, думается, по понятной причине: содержащийся в ч. 2 ст. 74 УПК РФ перечень источников доказательственной информации универсален: он позволяет классифицировать любые объекты, включая “материалы ОРД”. Они могут быть признаны либо документами в значении ст. 84 УПК РФ, либо вещественными доказательствами, либо приложениями к документам или протоколам. Никакой “мнимости”, как утверждает автор, в

этих *процессуальных форм* нет и быть не может. Во-вторых, в пожелании нет конкретной формулировки предлагаемой нормы, поэтому остается не вполне понятным, какова должна быть судьба результатов “вербальных результатов ОРД”. Небесполезно было бы также поинтересоваться, в каком направлении в решении рассматриваемых проблем развивается уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран, в частности, новейшее законодательство государств ближнего зарубежья.

Другое предложение С. Б. Россинского заключается в исключении из ч. 8 ст. 186 и ч. 6 ст. 186¹ УПК РФ норм, согласно которым фонограммы контроля и записи переговоров и материалы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, должны быть признаны вещественными доказательствами. Аргументируется эта точка зрения тем обстоятельством, что перечисленные материалы не соответствуют “гносеологической сущности” вещественных доказательств и “не отвечают ни одному из признаков, предусмотренных ст. 81 УПК РФ” [6, 12–13]. Нам представляется, что никакой проблемы здесь также нет. Ведь очевидно: названные объекты как источники доказательственной информации формально-юридически действительно не обладают признаками объектов в значении ст. 81 УПК РФ “Вещественные доказательства”. Однако законодатель специально и совершенно справедливо распорядился иначе: с целью обеспечения присущих материалам аудиозаписи и получения информации данного вида признаков и свойств, а также обеспечения сохранности им **нормативно придан статус вещественных доказательств**. Что же касается суда и сторон, то они то озабочены вовсе не гносеологической сущностью рассматриваемых объектов (она ясна им на основе общенаучных представлений, почерпнутых еще в общеобразовательной школе), а процессуальными гарантиями, обеспечивающими их полноту и достоверность. Надо ли вновь и вновь (анализируемая новация высказывалась автором неоднократно) будоражить эту тему?

Перечень предложений подобного рода указанными инициативами не исчерпывается. Останавливаться на всех, пожалуй, нет необходимости. Заметим лишь, что широко используется в анализируемых работах еще одна примечательная статья – 74 УПК РФ “Доказательства”. Вот ее-то методологически несостоятельные, по нашему убеждению, нормы, приведшие к утрате законодателем **процессуальных источников** доказательств, вероятно, совершенно напрасно не вызывают у С. Б. Россинского (как и многих других наших коллег) возражений, воспринимаются им как безгрешные.

3. Невербальные следственные действия. Уделим далее внимание цепочке умозаключений, с помощью которых С. Б. Россинский ввел в *свое* научное обращение прилагательное “невербальный” для характеристики соответствующих следственных действий, а позже также и оперативно-розыскных мероприятий.

Единственным веским аргументом является следующее суждение автора: “на самом деле единым критерием, обуславливающим появление уголовно-процессуальных доказательств, подпадающих под действие ст. 83 УПК РФ, является невербальный способ их формирования” [8, 89]. Из этой посылки, в которой **способ познания подменен формой коммуникации**, да еще и своевольно толкуется норма УПК РФ, автор *четко и конкретно*, как ему это представляется, формулирует свои выводы. Они заключаются в следующем. Во-первых, “доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ, **впредь следует именовать** (выделено мной. – *И. З.*) не протоколами

следственных действий и судебного заседания, а результатами невербальных следственных и судебных действий” [8, 90]. Во-вторых, надо подкорректировать соответствующим образом и ст. 83 УПК РФ, предварительно каким-то неясным образом апробировав окончательную ее редакцию с помощью руководящего разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Предусмотрен С. Б. Россинским и запасной вариант: сначала кто-нибудь пусть включит упоминание о придуманных им, но пока не существующих (гипотетических) невербальных (то есть бессловесных) следственных и судебных действиях в комментариях к УПК РФ, а уж затем можно будет совершить в этой части и саму рокировку – процедуру обновления законодательства [8, 91]. Ловко!

Именно таким незатейливым способом один из коммуникативных элементов следственного действия, если допустить, что таковой существует (например, общение следователя с обнаруженной при обыске вещью), экстраполируется на гносеологическую и антологическую природу всего процессуального действия. *Ничего более нелогичного и надуманного представить себе сложно.*

Из других пассажей, обнаруживаемых в данной части рассматриваемой нами работы, не хотелось бы попутно оставлять без внимания категорическое утверждение автора об отсутствии какой-либо “правовой ценности у ст. 83 УПК РФ” в ее действующей редакции [8, 86]. **Данная статья занимает свое законное место в Кодексе уже хотя бы только с точки зрения юридической техники.** В содержательном же аспекте следует обратить внимание и на другую констатацию: использование ст. 83 УПК РФ для обоснования вывода о существовании невербальных следственных действий абсолютно надуманно. Не должно быть сомнений, “под действие ст. 83 УПК РФ”, по крайней мере, по мнению законодателя, а не отдельных авторов, попадают **протоколы всех следственных действий**. Законодатель в этом отношении определился предельно ясно и однозначно¹. (О данном более чем очевидном обстоятельстве, которое, кстати, еще более определенно выражено в новейшем уголовно-процессуальном законодательстве государств ближнего зарубежья, мы писали ранее [2, 319–322], что освобождает нас от необходимости детальной аргументации). Именно поэтому, думается, искать опору своим рассуждениям в УПК РФ С. Б. Россинскому не имело никакого смысла. Просто надо выходить за пределы сложившихся правовых штампов, основанных на содержании норм предшествующего российского уголовно-процессуального законодательства (ст. 87 УПК РСФСР).

Повторим еще раз. Уместно ли перенесение прилагательного “невербальный” с характеристики природы используемой в общении (коммуникации) информации (сигнала) на наименование процессуальных действий? У нас на этот вопрос складывается отрицательный ответ, ибо последние совершаются в речевой среде, а их результаты фиксируются в языковой форме. Вне языка не существуют ни обстоятельства-факты, ни доказательственные сведения. Знак-то может быть и неречевым, но человеком, в отличие от животного, он расшифровывается в языковой форме.

¹ Здесь мы имеем в виду тот факт, что и показания, и протоколы допроса и очной ставки являются самостоятельными видами источников доказательств, с той лишь разницей, что показания являются первоначальными источниками доказательств, а протоколы допроса и очной ставки – производными.

Невербальними можно назвать, допустим, действия регулировщика – инспектора полиции, совершающего установленные манипуляции, понятные участникам дорожного движения. **А следователь? С кем (а в рассматриваемом контексте точнее – “с чем”) он совершает невербальное общение?** С неодушевленными объектами, например, с обнаруженным в ходе обыска тайником и находящимися в нем денежными знаками, запечатлевая в памяти их неизгладимый образ?

И еще один штрих. Для процессуалиста (теоретика или практика) письменный акт – протокол – как источник доказательственной информации всегда существует не иначе как в языковой (речевой) форме. Думается, остальное – от лукавого.

В работах последних двух лет С. Б. Россинский, видимо, ощущая уязвимость термина “невербальный”, стал помещать его в кавычки, объясняя коррекцию своей позиции “многообразием толкований *понятия невербальности* в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе” [6, 9]. Мы, конечно, не можем ручаться за весь необъятный массив отечественной процессуалистики, но в известных нам специальных источниках [12] термины “вербальный” и “невербальный” используются в своем основном значении – этимологическом².

Допускаем, что данный раздел нашей статьи, возможно, уместно будет завершить словами Клода Шеннона. В изданной еще в 1963 г. в СССР монографии ученый предупреждал: “Теория информации, как модный опьяняющий напиток, кружит голову всем вокруг. ... Представителям различных наук следует ясно понимать, что основные положения теории информации касаются очень специфического направления исследования, направления, которое совершенно не обязательно должно оказаться плодотворным в психологии, экономике и в других социальных науках” [13, 668].

4. Программные заявления автора. Среди наиболее значимых выводов и предложений автора мы хотим, прежде всего, остановиться на призыве, обращенном к российским ученым, *освободившимся от пут марксизма-ленинизма*, усиленно заняться общей психологией, психофизиологией и нейропсихологией. “В современных условиях, – пишет С. Б. Россинский, – наибольшие научные усилия, связанные с развитием информационной теории доказательств, необходимо направить именно на исследование вопросов познания дознавателем-следователем и судом обстоятельств уголовного дела на основании мыслительных образов” [7, 85].

Заметим, во-первых: определять приоритет своих собственных (или групповых) доктринальных интересов – дело, как говорится, хозяйское. Что же касается навязываемого автором аспекта проблемы, то он вряд ли взволнует широкие круги научной общественности. Рождение же соответствующего социального заказа представляется еще более сомнительным.

Во-вторых, как теория отражения, так и информационный подход означают одно – обращение к натурализму. Более же интересным и перспективным пред-

² Справедливости ради, следует отметить, что в диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук, С. Б. Россинский использует более корректную форму ввода в научный оборот рассматриваемой терминологии. В ней автор предлагает концепцию “невербального” способа уголовного процессуального познания, однако по-прежнему экстраполируя ее на процессуальную деятельность [6]. Суть не меняется.

ставляється системомислительностный подход, согласно которому источником знаний всегда выступает тот, их формирует. В нашем случае – субъект доказывания: дознаватель, следователь, прокурор, судья.

Менее всего хотелось бы попытаться выступать экспертом относительно мировоззрения С. Б. Россинского, тем более, когда сам автор признается: “мы не видим никаких причин для поиска принципиально иных концептуальных подходов к сущности уголовно-процессуального познания” [4, 186]. Однако порой у нас складывается впечатление, что автор, возможно, ощущает деятельностную проблематику, приближается к ней, но она сложна; для овладения ею нужны большие усилия и время, возможно, годы. Ухватить верхушки либо ограничиться познанием специальной терминологии наверняка недостаточно.

Также в принципе нет никакой нужды, да и целесообразности, уголовно-процессуальную проблематику перегружать инструментарием, которым овладел автор: она элементарно заслоняет собой практические для теории уголовного процесса и уголовно-процессуального права выводы.

Еще об одном “прямолинейном” суждении С. Б. Россинского. Анализируя принцип состязательности, он упрекает судей и следователей, осмелимся сказать, в психической неполноценности: в неспособности адекватно “воссоздать в своем сознании мыслительные образы ... соответствующие событию преступления”. Лечение этого недуга ему видится не в визите к врачу, а в участии субъектов со стороны защиты [7, 88]. Стремление автора избавиться от “советского прошлого” нами может быть понято, но так называемый обвинительный уклон в работе части субъектов доказывания и их “неспособность создавать мыслительные образы” – не одно и то же. Как эти аргументы увязываются с идеями состязательности, мы, конечно, догадываемся, но принять их не можем. Где иные процессуальные атрибуты состязательности? Или все дело только в специфике восприятия?

Почему бы не исходить из того, что уголовно-процессуальную деятельность осуществляют физически и психически здоровые правоохранители? Хотя и ясно, информативность воспринятого ими и другими лицами (например, следователем, специалистом, понятыми), очевидно, не может быть одинакова.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Наблюдаемые в теории уголовного процесса (и не только в ней) тенденции малоутешительны. С одной стороны, при, казалось бы, невероятно большой широте исследований, методологический уровень работ снижается. Как здесь не согласиться с проф. В. Т. Томиным, который пишет: “Заблуждения уже начинают переходить в действия. Результат налицо: усредненный студент-юрист, равно как и правовед – кандидат наук, с каждым последующим годом становится слабее. О качестве некоторых докторов наук ... стыдливо умолчу” [14, 28]. С другой стороны, возможно исключать ситуацию, когда в таких условиях могут элементарно теряться, тушеваться настоящие, прорывные открытия коллег по цеху.

И последнее замечание. Высказанные нами во многом субъективные суждения, конечно, можно было бы размещать в различных научных статьях или иных материалах, не сосредотачивая внимания на работах одного автора. Повторимся: поводом для предлагаемых обобщений могли послужить десятки иных, хотя и менее заметных работ, других, хотя, возможно, и менее заметных авторов. Но так уж сложилось: количество переросло в качество.

Список использованных источников:

1. Розовский Б. Г. К дискуссии о Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права [Электронный ресурс] / Б. Г. Розовский, И. А. Зинченко // ЭЖ Международной ассоциации содействия правосудию. – Режим доступа : <http://www.iauaj.net/node/2005>
2. Зинченко И. А. Письменные показания как источники доказательств в до-судебном производстве (компаративистский взгляд) / И. А. Зинченко, А. А. Попов // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 6 (17). – С. 313–322.
3. Зинченко И. А. Производные доказательства в уголовном процессе: традиционные и новые концепции / И. А. Зинченко // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 2 (25). – С. 20–26.
4. Россинский С. Б. Возможные пути развития теории уголовно-процессуальных доказательств на постсоветском пространстве / С. Б. Россинский // Достижения, проблемы и перспективны развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан : материалы международной научно-практической конференции. – Душанбе : Ифрон, 2014. – С. 185–192.
5. Россинский С. Б. Использование результатов “невербальных” оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовному делу – объективная необходимость / С. Б. Россинский // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 3 (20). – С. 171–184.
6. Россинский С. Б. Концептуальные основы формирования результатов “невербальных” следственных действий в доказывании по уголовному делу : автореф. дисс. на соискание уч. степени докт. юрид. наук : спец. 12.00.09 / Россинский Сергей Борисович. – М., 2016. – 40 с.
7. Россинский С. Б. Методологические проблемы доказывания в состязательном уголовном процессе / С. Б. Россинский // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 1 (23). – С. 79–92.
8. Россинский С. Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательства по уголовному делу / С. Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 9. – С. 85–91.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. – 2-е изд., исправл. и доп. – М. : Юрид. лит., 1973. – 736 с.
10. Белкин Р. С. Криминалистика и доказывание. Методологические проблемы / Р. С. Белкин, А. И. Винберг. – М. : Юрид. лит., 1969. – 216 с.
11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / Леонтьев А. Н. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
12. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дисс. на соискание уч. степени докт. юрид. наук : спец. 12.00.09 / Победкин Александр Викторович. – М., 2005. – 42 с.
13. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике : пер. с англ. / Шеннон К. ; под ред. Р. Л. Добрушина и О. В. Лупанова. – М. : Иностранная литература, 1963. – 832 с.
14. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / Томин В. Т. – М. : Юрайт, 2009. – 376 с.